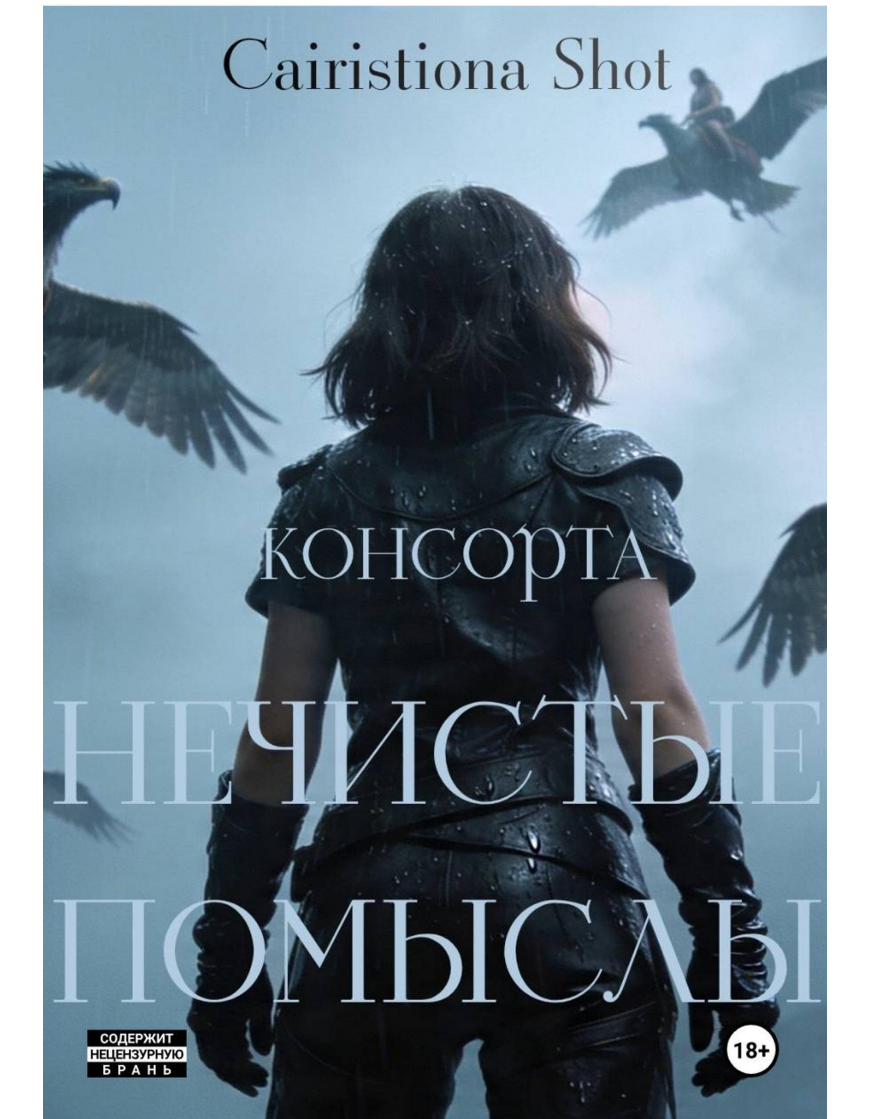




Cairistiona Shot

КОНСОРТА

НЕЧИСТЫЕ

ПОМЫСЛЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Cairistiona Shot

Нечистые помыслы

<https://litres.ru/74166872>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я Ребекка. Ребекка Индермойд. Сколько бы раз я ни прокручивала в голове, что нахожусь в каком-то грёбаном тёмном фэнтези, — снова и снова открывала глаза и видела этот каменный потолок. Это реальность.

Но давайте смотреть правде в глаза. Я историк-мифолог. Вся моя жизнь с детства была окутана тайнами и легендами — начиная от родителей и заканчивая мной.

И теперь, когда я вру, будто не знала и не чувствовала, что я такое и где нахожусь просто последите за моим вибратором. Пожалуйста. Чтобы я не швырнула его снова в того, кто в прошлый раз поймал.

Но мне пора на тренировку. Если опоздаю — мне конец. И вибратор будет ваш.

Let's go. Выбор за вами: бежать вместе со мной или остаться в вашем мире.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Cairistiona Shot

Нечистые помыслы

Пролог

В детстве мама говорила мне, что земля покрыта бронёй не просто так. Броня — та же кольчуга, её защита. Она как мать яростно оберегает свои малые и большие земли от нечистот, которыми населяют её люди. И не только люди. На эту броню садится Крылатый, взмах крыльев которого сгоняет тёмные тучи в одну грозовую точку.

Меня всегда интересовало только одно: что за Крылатые? И почему «не только люди»?

Эта древняя легенда звучала как чей-то секрет, доверенный только ушам маленького ребёнка. Даже при искреннем желании рассказывать такое кому-то было бы тупой глупостью.

Именно поэтому я выбрала историю. Говорить всякий античный бред с умным видом — это не признак сумасшествия, а великий разум. Наверное.

А может, я просто хотела понять, от кого на самом деле защищает эта броня. И кто кого запирает.

Глава 1

«Легенды рождаются из истины. Но кто же порождает истину? Безумцы?».

Эдинбург не умеет притворяться. Он не носит открыточных улыбок — он дышит сырым камнем, копотью веков и той особенной нотой отчаяния, что звучит здесь, кажется, с самого сотворения мира. И в Шотландии эта броня истончилась — сквозь неё сочится что-то древнее. Что-то, о чём нормальные люди не думают. Но я думаю. Постоянно.

Можно сколько угодно рассуждать о Крылатых существах в мифах, о древних культах лунных фаз, о броне земли в фольклоре — и никто не покрутит пальцем у виска. Ты не городская сумасшедшая. Ты докторант, которая пишет диссертацию.

День вышел долгим. Утром — архивы, расшифровка заметок для диссертации, днём — собственные занятия. История — это не даты и не имена. История — это слои лжи, которыми время прикрывает слишком страшную правду. Или слишком нелепую. В моём случае — и то, и другое.

Но сейчас, когда я поднималась в лифте на свой этаж, мне было насрать и на историю, и на античность, и на древнегреческих богов. Я желала только одного — вырубиться до зав-

трашнего обеда.

Лифт встретил меня дребезжанием и тусклой лампочкой. Я нажала кнопку и привалилась плечом к холодной стене.

Сил не осталось даже на то, чтобы бояться.

Хотя бояться было чего.

Спиной я чувствовала их — двух мужчин, вошедших следом. Слишком высокие. Слишком неподвижные. От них пахло кожей, металлом и чем-то чужим — так пахнет гроза за секунду до удара молнии. Я не оборачивалась. Я привыкла игнорировать странное — в том числе голоса в голове.

На пятом этаже лифт дёрнулся и остановился. Двери разъехались. Две девушки с кофейными стаканчиками шагнули в проём, глянули мне за спину — и замерли. Переглянулись. И, не сговариваясь, попятились обратно даже не войдя.

— Мы пешком, — пробормотала одна, и двери закрылись.

Кабина со скрипом поползла выше. Мне было плевать. Пусть хоть весь мир идёт пешком.

Но когда мысли в моей голове стали не моими, меня будто током ударило.

«Да я тебе говорю, не она это. Консорт не может быть такой такой хилой. Ты посмотри на неё. Это точно не она, как бы внешне ни была похожа. Я столько времени потратил, чтобы прибыть сюда и глазеть на ту, кого должен был забрать? Да она, блять, меня даже не узнала, Найл».

Голос — резкий, раздражённый, с каким-то странным акцентом. Слова жёсткие, будто он их перекачивал во рту,

прежде чем выплюнуть.

Я кожей почувствовала: говорят обо мне.

«Да ладно, Ривэл, — второй голос, мягче, примирительней, но тоже внутри моей головы. — Предсказатель редко ошибается. Дай ей шанс».

Я медленно повернулась.

Четыре глаза уставились на меня в ответ. Два серых, холодных, колючих — у того, что говорил первым. Два янтарных — у второго, что скрывал лицо под капюшоном. Сердце пропустило удар, а мозг, парализованный шоком, просто отказался обрабатывать реальность.

На них была чёрная тактическая одежда с длинными облегающими рукавами и штаны из плотной, грубой ткани. Из-под глубокого выреза на шее и плечах проглядывали чернильные татуировки. Кобура на ремнях, походные рюкзаки за спиной и белёсые шрамы на предплечьях.

Они не двигались. Просто стояли и смотрели на меня в упор.

Их губы не двигались. Тот, что говорил первым - Ривэл смотрел на меня в упор, скрестив руки на груди, и в его серых глазах не было ничего, кроме холодного презрения. Найл, тот что в капюшоне, разглядывал меня спокойно, почти изучающе — как смотрят на старую карту, пытаясь понять, не ошиблись ли маршрутом. Он переглянулся — быстро, почти незаметно — и снова уставился на меня. В этом жесте было что-то, от чего мурашки побежали по спине. Они

молчали. И от этого молчания воздух в лифте стал ещё тяжелее.

В голове — тишина. Никакого удивления. Только единственное: «Ну да, конечно. Этого ещё не хватало».

Когда ты три года живёшь с голосами, которые никто не слышит, ты перестаёшь дёргаться. Галлюцинации становятся соседями по дому: бесят, но не пугают.

Голос второго парня прозвучал прямо у меня в голове — мягко, почти интимно, будто он стоял не в двух шагах, а где-то за левым ухом, внутри черепа:

«Ты слышишь, о чём мы говорим, Ребекка?».

Я не обосралась. Каким-то чудом. Тело хотело дёрнуться, заорать, вжаться в стену лифта, но усталость сработала как анестезия. Мозг лениво выдал: «Галлюцинации от переработки, с кем не бывает», — и я приняла это объяснение с той же лёгкостью, с какой голодный человек соглашается на сомнительный сэндвич.

Я просто отвернулась. Как прирождённая актриса, которая только что получила «Оскар» за лучшую роль «Мне всё равно». Плечи расслаблены, взгляд в стену, лицо — вежливое «я вас не замечаю», хотя внутри всё орёт: «Да что здесь происходит?!».

Двери лифта распахнулись на моём этаже.

«Ребекка, ты должна остаться».

Этот голос был другим. Глубже. Гортанный, грубый, с рычащей нотой, которая вибрировала где-то у основания

позвоночника. Я всем своим естеством почуяла животную сущность, заполняющую мою голову.

И я, абсолютно не задумываясь о последствиях, послала свои «говорящие голоса» куда подальше.

— Да пошли вы нахрен, — бросила я вслух, спокойно, будто отказала надоедливym рекламщикам.

Шагнула за порог и захлопнула дверь. Только в квартире удалось наконец расслабиться. Я переоделась, умылась — тёплая, почти ласковая вода смывала остатки дня, странности и страх. Кровать приняла меня как родная.

Я слишком устала. От себя. От диссертации. Снова от себя. И, конечно же, от постоянного потока голосов в голове, перекликающихся с моими мыслями.

Я закрыла глаза и вдруг почувствовала тепло. Слабое, едва уловимое — как будто кто-то только что стоял рядом и отошёл за секунду до того, как я открыла глаза. Воздух ещё хранил чужое присутствие. Я прислушалась. Тишина. Только ветер за окном. Я списала это на усталость и перевернулась на другой бок. Тепло исчезло. Может, его и не было вообще.

Я уснула быстрее, чем успела додумать мысль о случившемся, оставив от сегодняшнего вечера лишь размытое пятно: лифт, четыре немигающих глаза, три голоса в голове. И где-то на грани сна — мамина сказка про броню земли и Крылатых.

И ощущение, что это ещё не конец.

Глава 2

*«Все безумцы уверены,
что они-то как раз в порядке. Но
если ты знаешь этот факт и всё
равно считаешь
себя нормальной — ты всё ещё
безумец или уже философ?».*

Я проснулась не от звонка будильника, а от вибрации чужого голоса. Он зародился где-то в одной-единственной точке черепа — нечеловечески низкий, гортанный, с отчетливой хищной нотой, от которой волоски на руках мгновенно встали дыбом. Он не звучал в комнате. Он разрывал изнутри мое собственное серое вещество.

«Пруэль, девочка не выживет, если мы её не защитим».

Какая ирония. Я действительно была на грани того, чтобы сдохнуть — прямо здесь, на несвежих простынях, потому что мигрень выжигала виски. Мой мозг, годами выстраивавший защиту из цинизма и академической логики, отключился перед этим спазмом.

Очередное эдинбургское утро вышло не как у королевы Виктории, а как у её служанки, которая всю ночь выносила горшки из-под её величества. Никакого солнца — только серость, унылость и моя очередная новая личность. Из зеркала на стене на меня наверняка смотрела помятая Ребекка, но в

моей голове разворачивался эпос, достойный Гомера, только без героев и с одной трагической фигурой — мной.

И этот новый голос он пугал сильнее прежних. Последние три года я жила в режиме «радио» — ловила обрывки чужих мыслей, неясные тени, ментальный мусор. Но этот голос говорил более осмысленно. Он транслировал мысль прицельно. Мне.

— Отлично. Просто отлично, — прохрипела я в пустоту спальни, сбрасывая одеяло. — Теперь у моей шизофрении появилась сюжетная арка.

Боль обосновалась в голове как наглый, невыселяемый квартирант. Я нащупала на тумбочке телефон. Экзистенциальный кризис нужно было душить в зародыше. Я планировала защитить диссертацию и стать ученым, а не превратиться в клинический случай для медицинских симпозиумов.

Палец замер над экраном. Из всех живущих на этой планете был только один человек, способный либо вернуть мне меня, либо окончательно добить. Тот самый, кто с детства пичкал меня сказками, слишком похожими на то, что я видела вчера вечером в лифте.

Я выдохнула, нашла в контактах «Тея-мать» и нажала на вызов.

Она всегда медлила с ответом. Словно просчитывала и взвешивала, как отбрить меня своим фирменным, нервным: «Говори быстро». Я заговорила не быстро.

— Мам в общем

На том конце провода слишком раздражённо вздохнули. Я уже почти передумала, внутри всё трусливо сжалось, подталкивая отложить этот разговор в самый долгий ящик. Но я перешагнула через себя.

— Так, ладно. Слушай, мам. У меня галлюцинации. И голоса в голове.

Я выпалила это на одном дыхании и зажмурилась. Мама ответила такой мертвой тишиной, что я буквально слышала, как она охренела от услышанного.

— Как давно ты полноценно спала больше восьми часов, Ребекка?

Её голос будто приобрёл оттенок смягчения. Но я знала свою мать слишком хорошо: это был самообман. Она просто сдерживала порыв грохнуть меня из дробовика прямо через экран. Отпрыск из семьи военных не должен быть идиотом.

— Я вообще-то хотела узнать номер или адрес врача, которого ты советовала раньше, — соврала я, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Ладно. Забудь. Я сама справлюсь.

Я яростно нажала кнопку отбоя. Сжала телефон с такой силой, что пластиковый корпус жалобно потрескивал в ладони. Говорят, у шизоидов в моменты безумия просыпается бешеная физическая сила. Жаль, что не сила воли, способная сдержать эти проклятые слёзы.

Слабая.

Я больно, наотмашь ударила себя ладонью по лицу и тут же пожалела об этом. Щека мгновенно вспыхнула и засад-

нила.

Слабая. Так мне и надо.

Я должна собраться. Безумцам тоже есть место в этом мире.

И тогда он заговорил снова — тот самый ровный, мощный, животный голос:

«Твои слёзы — не слабость, а сила. Это лучше, чем бить себя по лицу, Ребекка. И перестань называть себя шизоидом. Ты не такая».

Я злилась. Как же меня достали эти грёбанные голоса.
— Замолчите!

Я с силой заткнула уши руками, крикнув слово в пустоту комнаты.

Телефон завибрировал раньше, чем я успела отложить его в сторону. Сообщение. Не от матери. С неизвестного номера. Всего четыре слова:

«10 минут собрать необходимые вещи и спуститься к нам. Мы все еще здесь».

Я уставилась на экран. Внутри всё похолодело. Галлюциногенные мужчины из лифта теперь используют телефон? Серьезно?

Дождь с порывом ветра начал барабанить по стеклу слишком сильно, слишком яростно — так, что мне пришлось также яростно встать и закрыть окно. Паршиво, когда нет солнца. Но для моего настроения как раз то что нужно.

Я опустила взгляд вниз, на парковку, и замерла. Там сто-

или те двое, с которыми я «обменялась любезностями» вчера вечером в лифте. И с ними — третий. Выше. Шире. Он стоял ко мне спиной, но, будто почуяв мой взгляд, все трое разом подняли головы и уставились прямо на моё окно. По их лицам неистово хлестал дождь, но, похоже, им было абсолютно всё равно.

Сердце пропустило удар. Не от страха — от какого-то узнавания, которое мой мозг отказывался принимать.

Галлюцинации в образе троих огромных мужчин ждали у моего дома? Чувствую себя главной героиней какого-то грёбаного темного фэнтези.

Я резко отошла от окна и прижалась спиной к стене. Дыши, Ребекка. Дыши. Это просто галлюцинации. Просто стресс. Просто...

Но телефон снова завибрировал. Новое сообщение. С того же номера:

«Мы не уйдём. Спускайся».

-Я слишком много времени провожу за мифами и фольклором для диссертации, — горько покачала я головой, упрекая саму себя. Теперь я точно уверена, что сходить с ума вредно для здоровья.

Спускаться или не спускаться — вот в чём вопрос. Я посмотрела на них ещё раз. Вроде как Ривэл заметил моё движение у окна и что-то сказал остальным. Третий — тот, что был выше и шире, — медленно обернулся. Даже с такого расстояния, даже сквозь плотную пелену дождя я почувствова-

ла, как внутри всё сжимается. Узнавание. Снова.

— Ладно, — прошептала я себе. — Хотите, чтобы я спустилась? Я спущусь. Только сперва кое-что проверю.

Я лихорадочно оглядела комнату в поисках того, что можно использовать как оружие. Ничего. Абсолютно ничего. Ни бейсбольной биты, ни старой клюшки для гольфа, которую я когда-то приволокла с барахолки. Только книги, ноутбук.

Я рванула к окну, распахнула его и просунула голову под струи дождя — холодные, отрезвляющие. И, не глядя, на эмоциях швырнула в стоявшую внизу троицу первое, что подвернулось под руку.

Вибратор.

О нет. Нет-нет-нет.

Он описал в воздухе дугу — розовый, дурацкий, с подсветкой — и приземлился прямо у ног черноволосого здоровяка.

Это совсем не то, что я хотела в них кинуть.

Спустя минуту бешеного бега по лестнице я уже стояла внизу, на парковке. Мокрая насквозь, задыхающаяся. Мой снаряд не рассеял галлюцинацию. Наоборот — он подтвердил ужасающую реальность происходящего.

Помилуй меня, Боже. Они реальны.

Я застыла прямо напротив них, не зная, куда девать глаза. Светловолосый — Найл, кажется, — растянул губы в глупой, довольной ухмылке. А черноволосый держал мой вибратор в руке. И разглядывал его с очень серьёзным и выразительным

видом.

Прямо сейчас я была бы рада умереть. Но, похоже, сперва я буду мучительно давиться собственным стыдом. И это совсем не лёгкая смерть.

— Ты серьёзно? — спросил он, поднимая одну темную бровь и мой вибратор. Голос был незнакомым — низким, гортанным, с какой-то опасной, режущей слух хрипотой.

— О чёрт, — еле слышно прошептала я, всеми остатками ясного сознания испытывая позорный стыд.

Найл, который до этого молчал, вдруг издал странный звук. Кажется, он пытался сдержать смех. Ривэл скривился и снова посмотрел на меня, как будто я худшее из того дерьма, что он видел в жизни.

А здоровяк смотрел на вибратор. Потом на меня. Потом снова на вибратор. И я поняла: это конец. Мой позор достиг дна.

— Ты собиралась защищаться этим? — спросил он.

— Отдай сюда!

Я ухватила за вибратор, пытаюсь вырвать его из чужих пальцев, но он одним движением рванул меня к себе. Я впечаталась лицом прямо в его грудь. От него пахло кожей и теплом.

Он обнюхал моё лицо. Шею. Грубо, бесцеремонно провел кончиком носа по виску, словно пес, проверяющий чужака. Сложно сказать, что я ощущала в этот момент. Он выглядел устрашающе сильным. Это пугало больше всего происходя-

щего — у меня внутри все застыло от ужаса.

«Замри», — приказал знакомый голос в голове.

— Ребекка — глухо и угрожающе выдохнул он прямо мне в ухо. Подсознание тут же предательски нарисовало картину: железные кованые доспехи, тяжелая кожа, кобура и мечи. Этакая ожившая древняя иллюстрация. И я — в шаге от тропы под названием «смирительная рубашка».

Я тряхнула головой, приходя в себя. Светловолосый — Найл, кажется — смотрел на нас, чуть смущённо хмыкнув.

— Эрн... — Найл шагнул вперёд и положил руку ему на плечо. — Остынь. Ты же знаешь правила.

Что? Я через плечо здоровяка выглянула на Найла, который, вероятно, был здесь единственной светлой головой. И ясным умом.

— О чём ты говоришь?

Но тот не успел ответить. Мужчина, в чью грудь я была впечатана, снова наклонился и глубоко втянул в себя мой запах. Меня чуть не хватил удар, когда я вспомнила, что так и не сходила утром в душ.

Осознание ударило окончательно. В моё и без того болезненное сознание снова ворвался знакомый, грохочущий голос:

«Не вздумай кричать, Ребекка. Ты и так выглядишь достаточно глупо после сцены с этим пластмассовым прибором».

Страх исчез, уступив место чистой ярости. Но ума мне это не прибавило.

— Да какого хрена ты меня нюхаешь, больной ублюдок!
Пощёчина. Звонкая. Влепила со всей дури.

В ту же секунду предплечье пронзила острая боль — до дрожи, до тёмных кругов перед глазами. Стало тяжело дышать. Взгляд заволокло мутной пеленой. За секунду до падения я опустила глаза и посмотрела на свой вибратор. Ему сейчас было явно приятнее, чем мне, учитывая, что его держали две ладони — моя и здоровяка. Как же глупо.

И когда я окончательно провалилась в забытие, то подумала, что умерла. Но всё же последнее, что я помню — жгучая боль, пронзившая руку. И она болит до сих пор. Проклятье! Значит, я всё-таки не умерла.

«Блестяще. Просто блестяще», - ворчливо прозвучало в голове.

Глава 3

*«Лучшая комедия всегда
стоит на пороге трагедии».*

Я разомкнула веки и тут же пожалела об этом, потому что свет резанул по зрачкам с такой беспощадностью, будто кто-то специально направил мне в лицо прожектор. Пришлось снова зажмуриться и переждать, пока пульсирующая боль где-то в глубине черепа не утихнет до привычного, почти родного уровня. С такими спазмами я жила последние три года, и они, по крайней мере, были знакомым злом в этом незнакомом месте.

Я лежала неподвижно, пытаюсь собрать воедино разрозненные осколки воспоминаний, которые никак не желали складываться в цельный пазл. Лифт, здоровяки, парковка, вибратор — господи, я швырнула в них вибратором! Этот факт всё ещё заставлял меня сжиматься от стыда, хотя, казалось бы, после всего случившегося можно было уже перестать краснеть. А потом — знакомый голос, низкий и гортанный, похожий на животное, приказывающий замереть. Моя пощёчина. И жгучая боль, пронзившая руку до самого плеча перед тем, как наступила темнота.

Я осторожно приоткрыла один глаз и осмотрелась. Потолок был каменным, с рельефом в виде переплетённых ветвей

— старым, но ухоженным и необычным. Стены — тоже камень, с надписью «Лазарет 2», грубо отёсанный, но без следов запустения. Окно — высокое и широкое, с чистым стеклом, сквозь которое пробивался серый свет — такой же, как в Эдинбурге в октябре, и от этого сходства мне стало одновременно и легче, и тоскливее.

И тут у моей кровати, на аккуратно сложенном пледе, я заметила нечто. Размером с крупного кота, с перьями светло-серого цвета и загнутым хищным клювом. Оно смотрело на меня не мигая, и в этом нечеловеческом, но умном взгляде было что-то такое древнее и спокойное, что я на секунду забыла, как дышать.

А потом оно открыло клюв — вернее, не открыло, а просто в моей голове раздался голос, тот самый, что говорил со мной довольно часто последнее время:

«Ты закончила кричать? Потому что в прошлый раз это было весьма утомительно».

Я закричала снова.

Я закричала снова — не потому что испугалась, хотя испугалась я до чёртиков, а потому что это было единственное, на что хватило моего организма. Крик вырвался сам, как рвота, как кашель, как что-то, что тело делает, когда мозг отказывается обрабатывать реальность.

Существо на пледе зажмурилось, прижало уши — у него были уши, господи, у этой птицы были уши, покрытые мягким серым пухом — и вздохнуло так, как вздыхают очень

старые люди, когда человечество в очередной раз их разочаровывает.

«Ты можешь орать сколько угодно, но это ничего не изменит, — произнёс голос в моей голове. — Я всё ещё здесь. Ты всё ещё здесь. И мы оба знаем, что это не галлюцинация. Ты слишком умна, чтобы в это верить, Ребекка».

Я закрыла рот. Не потому что убедилась — просто воздух кончился. Пруэль звучал так спокойно, так буднично, что это пугало больше, чем если бы он рычал. Он говорил со мной как с ребёнком, который проснулся от кошмара и нуждается в объяснении, что монстров под кроватью не существует. Но в моём случае монстр сидел прямо на пледе, и он утверждал, что он настоящий.

Какая-то недоптица, недозверь. Похож на грифона, только очень мелкого.

— Ты не можешь быть настоящим, — прошептала я. — Грифонов не существует. Это мифология. Я пишу диссертацию по мифологии, я знаю.

«Я польщён, что ты посвятила мне диссертацию, но я существую уже миллион лет, так что твоя академическая работа, боюсь, несколько запоздала».

— Миллион лет? — переспросила я и тут же пожалела об этом, потому что голова всё ещё была не в том состоянии, чтобы осмысливать масштабы времени, в которых оперировало это существо.

«Точнее не скажу, я перестал считать после девятьсот пя-

тидесяти шести. Это утомительно. А теперь, если ты закончила кричать, у меня к тебе серьёзный разговор».

Я смотрела на него и молчала. И в этой самой странной в моей жизни тишине я вдруг поняла: я не в психушке. Я не умерла. Всё, что случилось в лифте и на парковке, — правда. И это существо, которое сейчас вылизывало лапу, делая вид, что ему всё равно, было частью этой правды.

Если он со мной говорит, тогда, может быть, эта недоптица — просто попугай?

— Пруэль, значит? — спросила я. Глупая реплика, но мне нужно было хоть что-то сказать, чтобы прервать это безумие.

«Пруэль, — подтвердил он. — И прежде чем ты спросишь: да, это я говорил с тобой все это время. И да, это я говорил с тобой, пока ты теряла сознание. И нет, я не собираюсь извиняться за то, что напугал тебя. Ты должна была узнать правду раньше. Но твои родители решили иначе».

Отлично. Теперь он еще и знаком с моими родителями! Но если они ввязались в секту — тогда вопрос решаемый.

Пруэль замолчал, а я продолжала смотреть на него, пытаюсь осознать хоть что-то из того, что он только что сказал. Родители. Грифоны. Голоса, которые, оказывается, не были безумием. Всё это звучало как сюжет дешёвой пьесы, которую ставят в подвальном театре на окраине Эдинбурга — той самой, где актёры переигрывают, а декорации вот-вот рухнут. Шекспировская комедия, в которой я, возможно, была Джульеттой или долбаным Отелло — с той разницей, что я

никого не душила, но меня саму, кажется, только что выдернули из собственной жизни без предупреждения.

— Это какой-то грёбанный розыгрыш, да? — выпалила я на одном дыхании, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Если это так, то я польщена. Рада. Мне смешно, нервно, меня тошнит, и вообще — хватит. Хватит с меня этого цирка. Я оценила, правда. Костюм отличный, спецэффекты с телепатией — просто неотразимы. Но теперь давайте закругляться.

Пруэль смотрел на меня, не мигая, и в его золотых глазах читалось выражение, которое я не могла расшифровать. Усталость? Снисхождение? Лёгкое презрение к человеческой глупости? Он вздохнул — так вздыхают, когда переделали кучу важных птичьих дел и теперь вынуждены тратить драгоценное время на истеричную докторантку.

«Шекспир не писал комедию ни об Эдинбурге, ни об этих местах, Ребекка, — произнёс он тоном, каким профессор поправляет студента, перепутавшего даты битвы при Гастингсе. — Хотя, знаешь ли, было бы любопытно почитать о том, как Ромео в доспехах крутит с Джульеттой в Крылатых землях».

Я моргнула. Крылатых что? Грифон пошутил про Шекспира? В моей голове?

— Ты о своих буднях у гнезда рассказываешь, что ли? — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. — Типа сидишь там, высиживаешь яйца и придумываешь сюжеты

для трагедий?

«Я не высисживаю яйца. Я хищник. И мои будни куда интереснее, чем твои попытки написать диссертацию, цитируя источники, которые ты сама не понимаешь».

— Эй! — я даже привстала, забыв о головокружении. — Ты не имеешь права! Ты вообще грифон! Что ты знаешь о моей диссертации?

«Я знаю, что ты трижды переписывала введение и так и не смогла сформулировать гипотезу. Я был в твоей голове, забыла?».

Я открыла рот и закрыла его. Он был прав. Чёртов грифон был прав, и от этого хотелось то ли смеяться, то ли запустить в него подушкой. Я выбрала смех — истерический, нервный, на грани слёз.

— Ладно, — выдохнула я, отсмеявшись. — Ладно. Спасибо за розыгрыш. Очень смешно. А теперь, раз я не в психушке, я, пожалуй, пойду домой. У меня там диссертация, которую я, как выяснилось, не могу написать. Нужно исправлять.

Я попыталась встать, но ноги не слушались. Пруэль наблюдал за моими жалкими потугами с видом человека, который смотрит, как котёнок силится выкарабкаться из коробки.

А в следующую секунду дверь открылась. В палату заглянула светловолосая девушка — одной рукой она придерживала челюсть, замотанную бинтом, а второй энергично жестикулировала. Даже с этой дурацкой повязкой, она выгля-

дела потрясающе. Серьёзно, её подтянутая фигура и рельефные мышцы впечатляли и возвращали в трезвую реальность мгновенно. На её фоне я совершенно точно осознала собственную бездарность и беспомощность.

Я дёрнулась, чтобы всё-таки подняться, но правая рука отозвалась такой дикой болью, что я с выдохом рухнула обратно на подушку. Растяжение. Или трещина. Или что-то похуже — я не могла знать. Я не была врачом, я была историком, который только что спорил с грифоном о Шекспире.

— О, ты... очнулась и перестала кричать, — произнесла она, и каждое слово давалось ей с явным трудом. — Я Аривана. Не бойся. Ты в лазарете, а не в психушке. Хотя я бы на твоём месте проверялась каждые полгода.

Я уставилась на неё. Она говорила так, будто мы встретились в очереди за латте, а не в лазарете с мифическим существом на моей кровати.

— Твоя челюсть... — начала я.

— Тренировка, — отмахнулась она. — Скоро буду смеяться, а пока мне больно даже улыбаться, так что давай без шуток. Я просто зашла сказать, что ты в порядке. Ну, почти. Рука растянута, но лекарь сказал — заживёт. Он сейчас пойдёт.

— Лекарь? — переспросила я. Если это какой-нибудь семнадцатый век, то происходящее приобретает хоть какой-то здравый смысл.

— Ну да. Ты думала, мы тут сами по себе выживаем? У

нас есть лекарь. И лазарет. И завтрак, кстати, тоже есть. Кор-
мушка открывается в семь, но завтрак ты уже давно пропу-
стила, так что тебе принесут еду сюда.

Я смотрела на неё, пытаюсь осознать хотя бы половину
услышанного. Девушка не выглядела испуганной. Она вела
себя как опытная наставница, которая выполняет привыч-
ную работу — вводит в курс дела новенькую, ошалело за-
мершую с грифоном у кровати.

— А ты... — я замялась. — Ты тоже видишь его?

Аривана перевела взгляд на Пруэля и кивнула, на всякий
случай отодвигаясь от кровати чуть дальше.

— Он сидит здесь с тех пор, как тебя принесли. Никого
не подпускал. Ни лекарей, ни... — она осеклась. — В общем,
он тебя охранял. Это точно.

Я посмотрела на Пруэля. Он всё так же вылизывал лапу,
но уже с гораздо большим энтузиазмом.

«Ты охранял меня?» — спросила я мысленно.

«Я не охранял, — ответил он, не отрываясь от шерсти. —
Я ждал. Охранять было не от кого. Но некоторые личности
заходили слишком часто, и я решил, что тебе нужен покой».

«Какие личности?». Потому что, судя по всему, у меня
их много.

«Неважно. Поправляйся. Потом узнаешь».

Я снова уставилась на Пруэля — на его золотые глаза, на
перья цвета грозового неба, на когти, которые он методично
чистил, будто в комнате не происходило ничего из ряда вон

выходящего. Маленький. Размером с кота. А ведь грифоны в мифах всегда были огромными — с львиным телом и орлиными крыльями. Я сама сотни раз читала об этом в первоисточниках, которые цитировала в своей многострадальной диссертации.

— Почему он такой мелкий? — спросила я, не отрывая от него глаз. — В легендах они размером с лошадь. А этот... он что, недокормленный?

Аривана подавилась смешком и тут же схватилась за челюсть.

— Не смей меня, мне больно, — простонала она сквозь бинт. — Я понятия не имею, почему он такой. Грифоны очень огромные, да. Здесь она огромнее лошади. Я видела их в боевой форме. Это... внушает. А этот сидит тут с тех пор, как тебя принесли, и я, честно говоря, вообще не понимаю, что происходит.

«Я не недокормленный, — раздалось у меня в голове с явным оттенком оскорблённого достоинства. — Мой размер зависит от твоей силы. Ты пока что слаба, поэтому я мал. Когда ты станешь сильнее, я вырасту».

— Он говорит, что его размер зависит от моей силы, — перевела я её слова вслух. — Я слабая, поэтому он мелкий.

Аривана уставилась на меня. Потом на Пруэля. Потом снова на меня.

— То есть... если ты станешь сильнее, он вырастет? — медленно, с расстановкой произнесла она.

— Похоже на то.

Она помолчала, переваривая информацию. Так же, как и я. Потом глубоко вздохнула и произнесла с таким видом, будто принимала самое важное решение в своей жизни:

— Я не знаю, пугает меня это или восхищает. Наверное, и то, и другое. Но если он действительно привязан к тебе, а не к кому-то ещё... это ведь означает, что ты — Консорт? Только истинные Буревестники имеют грифона. Но у тебя нет пары. Никто не говорил, что у тебя есть пара. И грифон сидит здесь. Один. Это... — она замолчала, подбирая слово, — странно. Очень странно.

— Она со мной в Консорте, идиотка, — раздался от двери хлёсткий, сочащийся ядом голос.

Что еще за слово? Латынь?

Ривэл. Я сжала зубы и заставила себя посмотреть на этого озлобленного придурка, который с первой минуты нашей встречи в лифте вёл себя так, будто я испортила ему жизнь одним своим существованием. Ему, как и мне, явно не доставляло удовольствия происходящее.

Он подошёл к моей кровати с таким видом, будто само мироздание должно было благодарить его за этот визит. Но Пруэль резко расправил крылья, как коршун, и издал оглушительный, яростный вопль. Ривэл мгновенно отпрянул от койки. Аривана устояла, мёртвой хваткой вцепившись в деревянные перила, а я просто застыла, уставившись на своего мелкого защитника, как будто этот оглушительный звук из-

дала я сама.

«Почему ты кричишь?» — спросила я. Честное слово, мы будто поменялись ролями в этом сумасшедшем доме.

«Не тебе же одной разминать голосовые связки. Его мысли не так чисты, — Пруэль говорил уже не так ссучающе, а напротив — угрожающе рычал. — Я защищаю тебя, Ребекка. Мальчишка не так прост, как кажется».

Но пока Ривэл приходил в себя, а Аривана нервно поглядывала на грифона, в палату зашли мои родители. Следом за ними — мужчина в белом лекарском мундире и уже знакомые мне Найл и Эрн. Тот самый здоровяк, о каменное лицо которого я едва не сломала руку. Вибратор Хотелось провалиться сквозь землю от новой волны захлестнувшего стыда.

Отец рванул ко мне со всех ног. Одет он был странно, будто только что спрыгнул с лошади, которая неслась сломя голову прямо с поля боя.

— Папа, рыцарем в моих галлюцинациях ты ещё не был, — я подавила нервный смешок, глядя на его слезящиеся глаза.

Страх, который я всё это время скрывала за жалкой иронией, окончательно подобрался к горлу, сжимая его невидимыми руками. Стало душно и тяжело.

— Ребекка — отец осекся, глядя на мои руки, зафиксированные ремнями, которые я в панике даже не сразу заметила. — Развяжите уже мою дочь, ради всего святого! Она не сумасшедшая!

Жевалки на его скулах быстро заходили, от чего стало ещё больше не по себе. Никогда за всю свою жизнь я не видела отца таким злым и оскорблённым.

Мужчина в белом — я успела разглядеть короткий жилет поверх рубахи с закатанными рукавами, кожаные штаны и множество маленьких бутылочек на поясе — в два быстрых шага приблизился к койке и принялся развязывать ремни. При этом он косился на Пруэля с выражением, которое я не могла расшифровать: не то опаска, не то профессиональное любопытство. О грифоне он не сказал ни слова.

— Мы зафиксировали Ребекку не потому, что она безумна, полковник Индермойд, — произнёс лекарь спокойно, бросая на меня оценивающий взгляд. — А лишь для её собственной безопасности. Когда человек просыпается в незнакомом месте и видит неожиданное, он может навредить себе. Мы просто подстраховались.

Я оценила его тактичность. «Неожиданное» — это мягко сказано. Теперь у меня есть пережитый опыт, о котором в приличных кругах вообще не распространяются.

— Папа, я в порядке, — сказала я, хотя это было бесконечно далеко от правды. — Если не считать того, что я совершенно не в порядке из-за всего, что на меня свалилось. Пожалуйста, объясни, что я здесь делаю. И что вы с мамой здесь делаете?

Отец открыл рот, но не успел произнести ни слова. Дверь распахнулась снова, и в палату вошли ещё двое. Первый —

высокий мужчина с военной выправкой в тёмном мундире. Второй — женщина, от одного вида которой у меня внутри всё похолодело. Высокая, прямая, с серебряными волосами, собранными в тугой узел. Она двигалась медленно, но воздух вокруг неё осязаемо дрожал.

Все, включая отца, выпрямились и склонили головы, прижав правую руку к плечу. Даже мне невольно захотелось повторить эти жесты за ними.

— Генералиссимус, — произнёс отец, и я услышала, как дрогнул его обычно стальной голос.

— Полковник Доррайд, — кивнула она ему и перевела взгляд на меня. — Рада видеть, что вы очнулись, Ребекка. Я Эрна Эрнайн. А это — советник Торвальд, отец Ривэла.

Мужчина, вошедший с ней, коротко кивнул. У него было такое же холодное, словно высеченное из гранита лицо, как у сына, но в глазах читалось что-то ещё. Оценка? Он тоже покосился на Пруэля, однако оставил свои мысли при себе. Генералиссимус тоже задержала взгляд на грифоне чуть дольше, чем следовало, но комментировать его размеры не стала.

— Мы здесь, чтобы прояснить ситуацию, — произнесла Эрна, и её тон прозвучал так, будто она объявляла приговор, не подлежащий обжалованию. — Вы находитесь в Каменной Короне, форт Монтэу. Это тренировочная база Лиги. И вы, Ребекка, — Консорт.

Я моргнула. Слово было колючим, оно повисло в лазарете, как непонятный запах, происхождение которого ты не мо-

жешь определить.

— Я не знаю, что это значит эта ваша латынь, — сказал я, и мой голос прозвучал удивительно ровно для человека, который только что орал на мифическую недоптицу, а до этого — швырялся интимными игрушками в незнакомцев.

— Узнаете, — отрезала Эрнайн. — Консорт — это человек, ментально соединенный с грифоном. Таких, как вы, единицы. Эта связь древняя, зародившаяся вместе с этим миром. Вы должны были узнать о ней в день своего совершеннолетия, когда магия пробуждается в полную силу. Но ваши родители нарушили Кодекс.

Она сделала паузу, и я почувствовала, как по позвоночнику медленно пополз холод.

— Они обратились к Целителям Лунных Фаз, — продолжила Эрна. — Попросили стереть ваше рождение из форта Монтэу. Это запретный ритуал, и он был выполнен по всем правилам — с их добровольного согласия. Вы должны были узнать обо всём много лет назад. Должны были расти здесь, тренироваться среди своих. Но ваши родители предпочли спрятать вас в человеческом мире.

Я хотела что-то сказать — возразить, закричать, потребовать объяснений от безмолвно стоявшего отца, — но не успела. Потому что в этот самый момент в моей голове что-то изменилось. Не резко, не как удар — медленно, тягуче. Будто кто-то осторожно, палец за пальцем, разжимал невидимый кулак, в котором всё это время была пленена моя на-

стоящая память.

Сначала — размытое пятно, как старое, выцветшее фото, которое достали из архива и пытаются рассмотреть на свету. Две фигуры склонились друг к другу. Я напрягла внутреннее зрение и вдруг узнала их. Мама. Отец. Моложе, чем сейчас, — у мамы еще не было этих серебряных нитей в волосах, у отца — глубоких морщин вокруг глаз. Они сидели за столом в комнате, которую я никогда не видела, и о чем-то спорили. Я не слышала слов, но отчетливо ловила их интонацию — тревога, сомнение, тяжелая решимость. Как будто они принимали решение, которое давалось им с огромным трудом, но которое они считали единственно верным.

А потом картинка сменилась — резче, яснее, будто кто-то до упора крутанул колесико настройки. Я увидела себя. Совсем маленькую, завёрнутую в плотное одеяло. Крошечные пальчики судорожно сжимались в кулачки. Меня держали на руках, а потом передавали кому-то — я не знала, кому, не знала, куда, — но я поняла главное: меня увозили. Меня скрывали. Меня увозили из этого мира.

Я вцепилась пальцами в край кровати — костяшки побелели. Смотрела перед собой, но видела не стены лазарета. Я видела родителей. Тех, кто сделал это со мной. Тех, кто годами глядел мне в лицо, слушал мои жалобы на голоса, на мигрени, на страх сойти с ума — и молчал. Просто молчал.

— Вы всё это время молчали, — прошептала я. Мой голос предательски дрогнул, но я не дала ему сорваться. — Вы

просто сделали меня ненастоящей.

В ту же секунду картинки в голове рассеялись. Я снова оказалась в лазарете — с забинтованной рукой, с грифоном у моих ног и с целой толпой людей, которая смотрела на меня так, будто я вот-вот взорвусь.

И я взорвалась.

— Он показывает мне это! — я ткнула пальцем в Пруэля, который сидел всё с тем же невозмутимым видом и методично чистил перья. — Он залез ко мне в голову и показывает, как вы меня прячете! Как заворачиваете в сраное одеяло, как в долбаном сериале и увозите! Вы все вещаете о какой-то Лиге и Консорте, о вашей гребаной системе, а я даже не догадывалась, что этот мир существует! Я три года считала себя неизлечимо больной, а вы просто взяли и вышвырнули меня из моей собственной жизни.

Я судорожно перевела дыхание и обвела диким взглядом палату. Аривана смотрела на меня во все глаза, напрочь забыв о своей травмированной челюсти. Найл потрясенно прошептал что-то вроде «он что, транслирует ей память?», но я не была уверена — в ушах слишком сильно шумело. Ривэл больше не ухмылялся. Его лицо окаменело, он сверлил Пруэля таким взглядом, будто впервые в жизни увидел настоящего монстра. Лекарь так и замер с развязанным ремнём в руке. Отец виновато опустил голову. Мама зажмурилась, не в силах смотреть на меня. А Эрна — единственная, кто даже не шелохнулся, — разглядывала меня с тем же непроницае-

мым лицом, что и минуту назад.

— Он не просто говорит с тобой, — произнесла Аривана, и её голос прозвучал глухо из-под плотного бинта. — Он показывает тебе картинки? Прямо в сознании? Я слышала, что древние грифоны из первых династий так умели, но этого не бывает. Не сейчас. И точно не с ним.

— Однако это происходит, — отрезала Эрна, даже не повернув головы.

Советник Торвальд подался вперёд, и я заметила, как его длинные пальцы с силой сжались на спинке стула.

— Трансляция образов без объявленной пары невозможна! — в его голосе слышалось не столько изумление, сколько возмущение. Будто Пруэль только что демонстративно нарушил Кодекс, за который сам советник отвечал головой перед Коронай.

— Значит, возможна, — спокойно произнёс лекарь, и все взгляды в лазарете тут же обратились к нему.

Он стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди, и разглядывал Пруэля всё с тем же профессиональным азартом.

— Я читал об этом в закрытых архивах. Истинная магия разума. Ею владели только старейшие из грифонов — те, что жили ещё до Великого раскола. Если этот малец способен на подобное, то он не просто древний. Он из поколения Первых.

Пруэль, до этого момента уже откровенно дремавший, лениво приоткрыл один золотой глаз. Он окинул лекаря снис-

ходительным взглядом, в котором отчетливо читалось:

«Ну наконец-то хоть кто-то в этом курятнике обладает зачатками разума».

Я судорожно перевела дыхание и посмотрела прямо на Генералиссимуса.

— И что теперь? Меня запрут в местную тюрьму за то, что я ничего не знала? Или сразу казнят, чтобы не возиться с бумажками?

Эрна выдержала мой выпад. Ни один мускул на её волевом лице не дрогнул. Когда она заговорила, её тон оставался ровным, но в нём прорезалась та самая абсолютная сталь, от которой у присутствующих мужчин невольно выпрямлялись спины.

— Вас никто не посадит в тюрьму, Ребекка. Вы — не преступница. Вы — жертва. А вот ваши родители совершили тяжкое преступление против Короны. Утаивание Консорта — это наравне с изменой, которая карается по всей строгости закона. Каждый Консорт — это элита, обязанная защищать рубежи. Спрятав вас в другом месте, они лишили Каменную Корону воина. А вас саму — знаний, подготовки и вашей настоящей жизни. За это полагается трибунал.

— Я готова ответить, — глухо отозвалась мама, так и не открывая глаз.

— Мы готовы ответить, — надтреснутым голосом добавил отец, низко опуская голову.

Я перевела взгляд на отца. Он стоял рядом с мамой —

плечом к плечу, как и всегда. Они не пытались оправдываться или молить о прощении. Просто принимали вердикт Эрны вместе. Точно так же, как встречали любые удары в своей жизни. И это их нерушимое «мы» ударило меня под дых сильнее, чем любые слова. Оно означало, что они действительно пошли на это вдвоём. Это было их осознанное, общее решение. Никто из них не пытался спастись за счёт другого.

Я смотрела на них и не понимала, что чувствую. Злость всё ещё клокотала внутри, но к ней примешивалось горькое отчаяние, которому я не могла подобрать названия. Чтобы не сорваться, я просто отвернулась к стене. Впилась взглядом в серый камень и ждала, пока глаза перестанет щипать от подступающих слёз.

Эрна выдержала тяжёлую паузу, давая моему молчанию осесть в воздухе лазарета, и продолжила:

— До суда вы будете тренироваться, как и положено Консарту. А что касается этого грифона — она бросила короткий взгляд на Пруэля, который снова принялся меланхолично вылизывать лапу. — Мы не знаем, почему он здесь и в таком виде. Это нарушение всех вековых устоев. Возможно, нам придётся вызвать Старейшину.

— Старейшину? — переспросила Аривана. Она не выкрикнула это — скорее испуганно выдохнула, будто само слово обожгло ей губы.

— Старейшину, — подтвердила Эрна, даже не обернувшись. — Но это позже. А сейчас у вас есть ночь, чтобы пере-

варить всё услышанное. Завтра в восемь утра начнутся тренировки. И поверьте, Ребекка: это будет самая простая часть вашей новой жизни.

Генералиссимус на секунду замолчала, словно взвешивая следующее предложение, и добавила:

— И ещё одно. У каждого Консорта есть пара — Буревестник, с которым вы соединены через грифона. Ваша пара — Ривэл Торвальд.

Я медленно повернула голову. Нашла взглядом Ривэла. Он стоял, небрежно скрестив руки на груди, и смотрел на меня в упор. Почти так же, как в эдинбургском лифте. Вот только теперь в его серых глазах заплесало что-то новое — холодное, торжествующее удовлетворение. Как будто он изначально знал, что так будет, и теперь откровенно наслаждался моментом моего сокрушительного падения.

Значит, это действительно правда.

Нет.

Только не этот высокомерный ублюдок.

— Что? — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё переворачивается. — Он? Вы сейчас серьёзно?

Да какого хрена я вообще должна быть чьей-то?

— Система не ошибается, — отрезала Эрнайн. — Ваша связь была предсказана задолго до вашего возвращения. Ривэл — ваш парный Буревестник. Привыкайте.

Но почему никто из моих родителей не возражает и не пытается меня защитить? Мы же не в средневековье, чтобы

за нас решали, выбирая пару для достойного будущего.

И тут в моей голове раздался голос Пруэля:

«Нет. Не с ним. Они перепутали. Не он твоя пара».

Опустим на секунду мое ужасно шоковое состояние от всего происходящего, но, ради всего святого, — я искренне рада этому. И, возвращаясь к шоковому состоянию, — я все еще не рада ничему.

— Он говорит, что они перепутали, — сказала я вслух. — Что Ривэл — не моя пара.

Ривэл фыркнул.

— Этот мелкий грифон не может решать за предсказателя. Это какая-то ошибка.

Прямо как Нострадамус.

Советник Торвальд переводил взгляд с Пруэля на сына и обратно. На его лбу выступила испарина. Он явно пытался совместить в голове два факта: грифон древний и грифон от-верг его сына. Кажется, второй факт беспокоил его больше.

— Пруэль не ошибается, — возразила я. — Он сказал: не с тобой.

— А кто тогда? — резко спросила Эрна.

Пруэль медленно поднял голову и посмотрел на одного-единственного человека в этой комнате. Он не произнёс ни слова — просто поднял крыло и указал им на темново-лосого здоровяка, того самого, что поймал мой вибратор на парковке.

На секунду мне показалось, что я снова теряю сознание.

Только не он.

Все как один уставились на него. Эрн стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня. Ни удивления, ни радости, ни разочарования.

Ривэл ничего не сказал. Просто взял с прикроватного столика маленький стеклянный флакон — кажется, из-под настойки, которую оставил лекарь, — и начал вертеть его в пальцах. Медленно. Очень медленно. Я смотрела на этот флакон, потому что смотреть ему в лицо не хотелось. Он ничего не разбил, не швырнул в стену. Просто поставил обратно — на полсантиметра левее, чем он стоял. И вышел. И вот этот переставленный флакон пугал меня больше, чем если бы он перевернул стол.

Я перевела дыхание и, сама не заметив, как придвинулась ближе к Пруэлю. Он всё ещё сидел у моих ног — тёплый, живой, настоящий. И от того, что он был здесь, мне стало чуть легче. Совсем немного, но достаточно, чтобы не сорваться.

— Мой сын? — голос Эрны прозвучал тихо, но в этой тишине он ударил, как хлыст. Впервые за всё время я увидела, как на её лице что-то дрогнуло — глубокое удивление.

— Эрнойт Эрнайн? — выдохнула Аривана, и в её голосе было столько потрясения, что я на секунду забыла о своём собственном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.